

**ФЕНОМЕН ПОСТТРУДОВОГО ОБЩЕСТВА И
ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СФЕРЫ ТРУДА**
Серда Юлия Петровна, научный сотрудник
Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Serada Yuliya Petrovna, Research Associate,
Institute of Philosophy of The National Academy of Sciences of Belarus, sereda.yulya@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется специфика динамики трудовой сферы в контексте формирования новых социально-экономических условий. Трансформационные процессы цифровизации рассматриваются как катализаторы изменений и для основных социальных сфер, и для индивидуально-личностного уровня.

Ключевые слова: социальная система; социодинамика; цифровизация; посттрудовое общество; сфера труда; прекаризация; социальное взаимодействие.

Диалектика новых и во многом кризисных тенденций в условиях глобальных вызовов отражает особенности трансформационных процессов и в сфере трудовой деятельности. Можно сказать, что одним из атрибутивных признаков современной социодинамики является формирование различных социальных запросов и стереотипов, связанных с изменениями не только социально-экономического характера, но и ценностно-нормативного плана. Так, в своей совместной опубликованной научной дискуссии о реалиях современного общества социальные теоретики З. Бауман и Л. Донкис приходят к следующему выводу: «Пожалуй, никогда прежде в мире не было столько фаталистических и детерминистских верований, как сегодня; из уст серьезных аналитиков, наряду с серьезным анализом, словно из рога изобилия, льются бесчисленные пророчества и описания приближающихся кризисов, опасностей, резких ухудшений ситуации и конца света. В этой всепроникающей атмосфере страха и фатализма формируется убеждение, что не существует альтернатив современной политической логике, тирании экономики, подходам к науке и технологиям и взаимоотношениям природы и человека» [1, с. 9]. Проблема воспроизводства социальных структур и институций в подобных исторических контекстах усложняется неопределенностью парадигмы глобальных изменений и фрагментацией социальных трансформаций. Более того, сама транзитивность социального устройства добавляет и усиливает факторы риска и нестабильности, которые становятся непреодолимым социально-онтологическим фоном и своеобразным историческим драйвером последующих модификаций реальности будущего.

В общем, интенсификация реализации ключевых параметров социального прогресса позволяет зафиксировать стремительный скачок в развитии не только цифровой экономики как отдельного сектора, но и современных обществ в целом. Цифровая трансформация как всеобъемлющий процесс меняет рабочие институты и трудовую среду, трудовые практики и исторически сформированные модели занятости, основы корпоративной коммуникации и мониторинга трудовой эффективности. Кроме этого, само понимание труда, его роль и значение в современных обществах не остается без изменений также, как и понимание основных смыслов, которые структурно связаны с интерпретацией понятия «работа» и «занятость». Особенно в условиях расширения технологической перспективы исследовательский вектор смещается не только в сторону новых форм трудовой занятости, эксплуатации, но и в сторону самого субъекта трудовой деятельности, его места и роли в современном разделении труда. Социальное (общественное) измерение человека сопряжено с трудовым, но уже сегодня можно сфокусировать внимание на трансформационной динамике в контексте трудовой деятельности человека и его самореализации в профессиональном измерении.

О так называемом «безработном обществе» (“jobless society”) в связи с беспрецедентным развитием информационно-технологической сферы еще 30 лет назад писал известный социальный мыслитель М. Кастельс. Он справедливо акцентировал внимание на том, что непосредственным образом «процесс труда находится в сердцевине социальной структуры. Технологическая и управленческая трансформация труда и производственных отношений в возникающем сетевом предприятии и вокруг него есть главный рычаг, посредством которого информационная парадигма и процесс глобализации воздействуют на общество в целом» [2, с. 199]. Согласно Кастельсу, принимая попытки маркировать происходящие глобальные трансформации, следует опираться,

прежде всего, на экспертные аналитические и статические данные, касающиеся показателей занятости и распределения труда. Обобщенно, можно сказать, что многие оценки преувеличены, но при этом «налицо действительно фундаментальная трансформация работы, работников и организации работы в наших обществах, но ее нельзя оценивать в традиционных категориях устарелых дебатов вокруг «конца труда» или «деквалификации труда»» [2, с. 262]. Фактически трудовой процесс в информационно-технологической перспективе структурно видоизменяется и обретает новые формы. В середине 90-х гг. Кастельс предложил зафиксировать два ключевых маркера такого изменения: индивидуализация труда и мобильность квалифицированной занятости. Эти тенденции не только сохранились сегодня, но и наблюдается их более масштабная интенсификация.

В современных реалиях необходимо различать интерпретацию общества безработного и общества посттрудового. Как было отмечено выше, понимание труда, трудовой занятости трансформируется наряду с изменениями в социальных ожиданиях как нанимателей, так и нанимаемых индивидов поскольку это, как минимум, двусторонний процесс. Для нанимателя все более важными становятся многозадачные работники, ориентированные на дополнительное обучение и даже переквалификацию в рамках стремительно меняющихся факторов производственного и бизнес-процесса как такового. Для трудящихся субъектов также меняется базовое целеполагание трудовой занятости – это поиск наиболее интересной профессии, возможности гибкого трудового графика, высокая оплата труда, отсутствие неэтичной и токсичной коммуникации в трудовом коллективе, понимание и соблюдение личных границ.

С одной стороны, более детальные исследования перспектив развития сферы труда в общемировом масштабе позволяют зафиксировать несколько базовых проблемных направлений, среди которых особое значение имеет вопрос экспликации того, что представляют собой безработные как социальная группа с учетом новых социально-экономических трендов, как будущая глобальная автоматизация изменит рынок труда, какие могут быть потенциальные риски для индивида при условии замены его труда автоматизацией [3]. С другой стороны, на повестку дня выходит проблематизация самой переходности социума к посттрудовому измерению. Согласно современным социальным исследователям Н. Срничеку и А. Уильямсу, идея новой модели общественного развития непосредственно связана с происходящей цифровой трансформацией, которая пронизывает социальные системы, вносит коррективы в процессы их функционирования и, собственно, задает направления социальной эволюции.

Общий вектор аргументации Н. Срничека и А. Уильямса лежит в плоскости разработки проекта прогнозной модели общества будущего, в котором они ориентируются, в первую очередь, на достижение уровня максимально автоматизированного общества, свободного от вынужденной трудовой занятости и прогрессивно реализующего социально-ориентированный вектор. Если говорить обобщенно, то исследовательская позиция авторов строится на возможностях и механизмах переориентации всей социально-экономической системы и последовательной критической рефлексии исторически сложившейся модели перераспределения социальных благ. В этой связи для реализации проекта посттрудового общества в условиях цифровой реальности наиболее существенными представляются следующие пункты: 1) полная автоматизация трудовой деятельности; 2) сокращение рабочей недели; 3) обеспечение базового дохода; 4) критика трудовой этики [4, с. 184]. На уровне функционирования социума это предполагает ряд ключевых изменений: формирование общественного процедурного консенсуса в отношении обеспечения основных жизненных потребностей; формирование прозрачной социальной структуры и расширение доступных общественных ресурсов; ускоренное развитие технологических возможностей. Исходя из позиции авторов, можно отметить, что центрирующим фактором реорганизации современных обществ может стать безусловный базовый доход как ответная реакция на прогнозируемую технологическую безработицу. Реализация на практике этого важнейшего механизма перераспределения общественных благ отражает социальную сущность трудовой занятости населения. В качестве главной движущей силы воспроизводства социума в новом формате рассматривается не рабочий класс, а прекариат – новый социальный класс общества будущего. В этом контексте речь идет о постепенном смещении рабочих с главной позиции в структуре воспроизводства социального и формировании масштабной социальной группы со своей субъектностью. Н. Срничек и А. Уильямс резонно отмечают, «чтобы попасть в посткапиталистическое будущее, нужно развернуться от пролетаризации человека к новому субъекту, изменившемуся и способному меняться дальше. Этот субъект не мо-

жет быть определен заранее, его черты проявляются только по мере практического и концептуального развития событий. Опутывающие нас технологические, природные и социальные сети не таят в себе никакой «подлинной» сущности человечества» [4, с. 259].

В целом, сегодня можно говорить не только о прекаризации рабочего класса, но и о формировании социального тренда на кризис труда как такового. Более того, на фоне расширяющейся автоматизации не только производственной сферы, но и большинства уровней трудовой деятельности меняется и его значение в общественном воспроизводстве [5]. В данном контексте своего рода эмансипационный потенциал феномена посттрудового общества заложен в ценностно-нормативных представлениях индивидов о значимости своего времени (не только свободного времени), своей занятости трудовой деятельностью и что есть труд в принципе, как зависит от труда реализация личностной свободы и что даст человеку переход от «принудительного» (вынужденного) труда к добровольному (несвязанному с материально-бытовыми задачами). К. Маркс в «Капитале» отмечал, что «царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью» [Цит. по: 4, с. 327]. Стремительно меняющиеся социально-экономические условия являются драйверами соответствующих не только глобальных трансформаций, но и условий самореализации человека, включая профессиональную реализацию.

Таким образом, феномен посттрудового общества может быть рассмотрен как альтернативный вектор социодинамики, позволяющий скорректировать ориентиры и приоритеты социальных систем на этапе их глобального перехода к цифровому порядку. Последствия этой переходности открыты и комплексно не спрогнозированы, но представляются в крайней степени существенными для функционирования социальной системы. Трансформации сферы трудовой деятельности несут в себе определенные вызовы для общества, поскольку в основании этого процесса лежат не только новые факторы прогрессивного, но и рискогенного характера. Кроме того, одной из особенностей динамики трудовой сферы в условиях глобальных вызовов является процесс прекаризации и формирование нового социального класса – прекариата. В этой связи наибольший интерес представляют социальные последствия его функционирования. Безусловно, стремительное развертывание цифровой экономики, базовые детерминанты которой как потенциально, так и практически вносят свои коррективы в основные аспекты модернизации общества, позволяет эксплицировать особенности развития сферы труда и акцентировать ее проблемный характер в долгосрочной перспективе.

Список использованных источников

1. Бауман, З., Донскис, Л. Текущее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив / Пер. с англ. А. И. Самариной; Науч. ред. М. А. Симакова. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. – 296 с.
2. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. Под науч. Ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
3. Chessell, D. The Jobless Economy in a Post-Work Society: How Automation Will Transform the Labor Market // *Psychosociological Issues in Human Resource Management*, 2018. – Vol. 6(2). – P. 74 – 79.
4. Срничек, Н., Уильямс, А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда / Пер. с англ. – М.: Strelka Press, 2019. – 336 с.
5. Hester, H., Srnicek, N. Love's Labours Lost: Post-Work and Social Reproduction // *Electra*, 2020. – Vol. 10. – P. 79 – 90.